

УДК 171:172

СЕРГЕЙ ТАРАДАЙКО,

кандидат философских наук, писатель, эссеист, Запорожье

Собственность и перверсия

Аннотация

В эссе предпринята попытка показать тему коррупции в Украине под углом зрения понятия “собственности”. Подчеркивается, что собственность является сугубо западным явлением и возникает тогда, когда появляется, во-первых, свободный человек и, во-вторых, механизм его правовой защищенности. Но, разумеется, этого никогда не знали в империи, происходившей от княжества Московского и, по сути, от азиатской деспотии. Едва ли не первая черта такого общества — сосредоточение власти в одних руках. Однако, учитывая огромные размеры империи, осуществлять подобную власть нельзя без аппарата чиновников, и в итоге из них образуется высший и привилегированный слой. При отсутствии права собственности вполне естественная потребность в такой собственности принимает тут отдельную, как бы извращенную форму. Ведь речь идет о должности и предоставляемых ею возможностях, определенном месте в иерархии власти. Происходит своеобразная “перверсия”, поскольку отклонение возникает собственно тогда, когда естественный “выбор объекта” (Фрейд) затруднен. И тогда появляется “замена” (Ersatz), уже преимущественно “суррогатная”. Но даже в искаженной форме эта потребность, прежде всего, является имущественной: получив свою должность, чиновник сразу же начнет искать собственную выгоду. Подчеркивается, что коррупция при этом, в отличие от европейского понимания, не кажется преступлением, ведь само “доходное место” оказывается здесь единственной возможностью хоть как-то устроиться. А потому следует признать, что бороться с явлением, укоренившимся в самом устройстве общества, не меняя этого устройства и применяя только средства расследования и наказания, весьма наивно. Это прямо касается и Украины, которая веками пребывала в империи.

Ключевые слова: коррупция, собственность, азиатская деспотия, перверсия, должность

СЕРГІЙ ТАРАДАЙКО,

кандидат філософських наук, письменник,
есеїст, Запоріжжя

Власність і перверсія

Анотація

В есеї зроблено спробу показати тему корупції в Україні під кутом зору поняття “власності”. Підкреслюється, що власність є суто західним явищем і виникає воно тоді, коли з’являється, по-перше, вільна людина й, по-друге, механізм її правової захищеності. Та, звісно, цього ніколи не знали в імперії, що походила від князівства Московського й, по суті, від азійської деспотії. Чи не перша риса такого суспільства — це зосередження влади в одних руках. Але, зважаючи на великий розмір імперії, здійснити таку владу не можна без апарату чиновників, і в решті з них утворюється вища й привілейована верства. За відсутності права власності суто природна потреба в тій власності набуває тут окремої, ніби збоченої форми. Бо йдеться про посаду та надані нею можливості, певне місце в ієрархії влади. Відбувається ніби “перверсія”, бо збочення виникає власне тоді, коли природний “вибір об’єкта” (Фройд) ускладнений. І тоді постає “заміна” (Ersatz), уже здебільшого “сурогатна”. Та навіть у спотвореній формі ця потреба насамперед є майновою: здобувши свою посаду, чиновник уже відразу шукатиме власну вигоду. Наголошується, що корупція при цьому, на відміну від європейського розуміння, не здається злочином, адже саме “дохідне місце” постає тут єдиною можливістю хоча б якось облаштуватися. А тому треба визнати, що боротися з явищем, укорініним у самій будові суспільства, не змінюючи цю будову та вживаючи лише засоби розслідування й покарання, дуже наївно. Це прямо стосується й України, що століттями перебувала в імперії.

Ключові слова: корупція, власність, азійська деспотія, перверсія, посада

SERHII TARADAJKO,

Candidate of Sciences in Philosophy, writer,
essayist, Zaporizhzhia

Property and Perversion

Abstract

The essay attempts to highlight the corruption in Ukraine in terms of 'property' and 'ownership'. It is underlined that property is a purely western phenomenon; it can occur only when there appears, firstly, a free man, and, secondly, the mechanism of his legal protection. This was certainly unknown in the empire stemmed from Moscow Principality, and, in fact, from Asian despotism. The most important feature of such a society is the concentration of power in one person's hands. Considering, however, the great size of the empire, it is impossible to carry out this kind of power without the apparatus of officials. It is the officials who shape the highest and privileged layers of the society. In the absence of valid ownership, the purely natural need for property assumes here a special, as if perverted form. It is about a position or post that can provide certain opportunities and secure a certain place in the hierarchy of power. What occurs here is a kind of 'perversion', because any distortion emerges, in fact, when the natural 'choice of object' (Freud) is complicated. In this case, there comes a 'substitute' (Ersatz), which is, for the most part, by 'surrogate'. But even in a distorted form this need is, primarily, for property: having got his post, an official will immediately seek his own benefit. It is stressed that corruption, in contrast to the European understanding, is not essentially regarded as a crime, because it is just the 'profitable position' that seems to be the only chance to get a proper place in life. Thus, one must admit that to fight a phenomenon so deeply rooted in the very structure of the society without changing this structure and by merely using investigation and punishment is a rather naive way. This is directly related to Ukraine, which for centuries was part of the empire.

Keywords: corruption, ownership, property, Asian despotism, perversion, position

Итак, происходит как бы своеобразная замена.

З.Фрейд. Введение в психоанализ

Мы постоянно слышим слово “коррупция” и призывы к решительной борьбе. Эта беда выглядит настолько понятной, что способ ее преодоления кажется очень простым (было бы желание). Но, несмотря на изрядные уси-

лия, следует признать, что ничего не меняется. И может возникнуть сомнение: а действительно ли мы понимаем природу той самой коррупции?

Прежде всего нужно сказать о ее отношении к власти, учитывая, впрочем, что строение нашей власти довольно искусственное и противоречивое, поскольку вполне европейские, казалось бы, “институты” накладываются на традиции пребывания в империи. Причем в империи, которая устроена по канонам той самой “азиатской деспотии”... Это и не удивительно, если иметь в виду три с половиной века (!) “московиады”.

Чтобы осмыслить такое наследие, следует, очевидно, очертить его истоки. Интересно, что усиление княжества Московского произошло еще во времена господства Золотой Орды; собственно, отсюда вся российская государственность и заимствовала в дальнейшем свое устройство. В наибольшей степени это проявлялось в сосредоточении власти в одних руках. Но важно и другое. В отличие от классического типа “восточной деспотии”, построенной на земледелии, хозяйство в ордынском мире держалось на кочевом животноводстве. По этим образцам будет формироваться и будущая политика, и все понимание жизни.

Пастбище быстро истощается, и важно найти новое. Именно отсюда происходит и завоевание территорий, и привычка воспринимать соседские земли как сферу своих интересов. Если вновь вспомнить о земледелии, то оно предполагает определенный участок с четко очерченными границами. Эти границы играли очень существенную роль в появлении правовых основ существования, — делили на свое и чужое, на то, что можно, и то, чего нельзя. Кочевнику эта граница не нужна и, по сути, непонятна, поэтому в дальнейшем ненужным и непонятным будет право.

Кстати, это выпасание, когда скот должен повиноваться человеку, как бы подсказывает образец всего общества. С одной стороны, это упомянутое уже сосредоточение власти в одних руках, но с другой — на удивление, можно сказать, “стадоподобное” население; его легко направить куда угодно и принудить к молчаливой покорности. Здесь отдельный и лично свободный человек оказывается чем-то редкостным.

А отсюда вытекает важный вывод. В обществе, где издавна нет ни свободного человека, ни правового способа защиты, по сути, нет *собственности*. Здесь все находится в распоряжении деспота или государства. Показательно, что даже в XX веке, когда народу предложили детскую сказку о “коммунизме”, — речь шла, опять-таки, об обществе, лишенном собственности...

В отличие от азиатской деспотии, в Европе право собственности, наоборот, становится наиболее существенным. И следует подчеркнуть, что это право считалось характеристикой именно свободного человека. Например, у Джона Локка (который является чуть ли не отцом сугубо западного взгляда на общество) отмечается, что прежде всего человек имеет собственность “в своем собственном *лице*”; он описывает собственность, “которую для человека представляет его личность, равно как и ее имущество” [Лок, 2001: с. 145, 223]. Наверное, такое видение кажется довольно странным, но на самом деле оно естественно.

Об этом свидетельствует, к примеру, и сам язык: недаром мы говорим, дескать, слышали “собственными” ушами или поступили по “своему” усмотрению. Или что некто будет присутствовать “собственной” персоной. Понятно, что идея собственности самого себя — это мысль Нового времени,

когда после Средневековья, эпохи сплошной вассальной зависимости, быть свободным означало уже самому себе принадлежать и собой распоряжаться. Эти настроения встречаются где угодно. — Когда, скажем, либертен у де Сада уверяет свою воспитанницу, что она имеет право на любые наслаждения, он сразу подчеркивает то же самое: “Тело принадлежит тебе и только тебе” [Сад, 2016: с. 72].

Но в действительности здесь осознано нечто явно доисторическое — очень глубоко заложено в естестве ощущения тела *своим*. Ведь именно такое ощущение и будет определять еще естественные истоки собственности, будь то на Западе или на Востоке... Совсем другое дело, если именно на Западе это воспринималось как основа всей жизни, тогда как на Востоке приглушалось.

Кстати, если продолжать поиски истоков собственности, то и “выбор объекта” (в терминах Фрейда) будет естественным. Итак, возьмем довольно интересное место из “Введения в психоанализ” и внимательно перечитаем: “У сына, когда он еще маленький ребенок, начинает развиваться особая нежность к матери, которую он считает своей собственностью (*sein eigen*), а в отце сын начинает усматривать соперника, который отрицает его право абсолютной собственности (*Alleinbesitz*)...” [Фройд, 2015: с. 206].

В приведенном фрагменте хорошо показана суть Эдипова комплекса. Можно, конечно, воспринимать его критически, например, как у Делеза и Гваттари, которые прямо выступали против “ярой эдипизации” [Дельоз, Гваттари, 1996: с. 68]. Но подчеркнем совсем другое, не затрагивая Эдипа: эти отношения определяются именно терминами собственности, ошибиться с невозможным.

Такое отношение к матери возникает из ее роли при кормлении. И не удивительно, что сначала ребенок, согласно тому же Фрейду, выбирает своим “объектом” ее грудь. Уже отсюда можно высказать предположение, что глубочайшая природа собственности связана именно с едой. Здесь и в самом деле происходит еще естественное *присвоение* и *у-своение*. И все, что собрано или добыто для пропитания, несомненно, будет считаться своим... Не нужно долго доказывать, что упомянутое чувство будет усиливаться голодом, а это решающий инстинкт в обеспечении выживания и, собственно, жизни.

То есть где-то в нашей природе присутствует потребность в собственности, и на Западе преимущественно на этих принципах построено все общество (наверное, потому оно и стало таким успешным). — Но на Востоке все было по-другому, поскольку возникло противоречие уже рассмотренной потребности и особых условий существования.

С одной стороны, деспотия сделала невозможным приобретение собственности в “западном”, так сказать, понимании, а с другой — эта потребность была столь глубинной, что, по-видимому, должна была, в конечном счете, проявиться. И вновь не лишне вспомнить Фрейда. Недаром его в первую очередь интересовали те желания, которые нельзя удовлетворить в естественном виде. Поэтому у Фрейда часто встречаются слова “замена”, “заменитель”, “эрзац” (*Ersatz*). Ведь вся человеческая жизнь — это непрерывный “выбор объектов”, и хорошо, если этот выбор естественный. В случае же, когда это становится недостижимым, речь идет о замене, которая преимущественно будет иметь уже “суррогатный характер...” [Фройд, 2015: с. 309]. Итак, появляется перверсия, то есть отклонение.

Но все это еще весьма умозрительно. И чтобы представить себе, что именно было “заменой” собственности, нужно глубже проникнуть в суть этой “восточной деспотии”. Причем не навязывая этому обществу чуждые для него схемы или понятия. К примеру, так, как у Маркса, с его понятием “азиатского способа производства”.

По сути, восточное общество не вкладывалось в известную схему “формаций”, потому и возникла идея включить его хотя бы в тематику “производства”. Впрочем, и это выглядело довольно искусственным...

Ведь восточная деспотия, в отличие от Европы (с ее склонностью к изменениям), как известно, была слишком статичной, тем более, что и самого деспота не интересовали никакие изменения. Ему нужно было только сохранение, и прежде всего — своей власти. Этот режим личной и неделимой власти действительно был определяющим.

Уже отсюда исходит одна очень примечательная вещь, ведь подобные государства имели огромную территорию и большую массу населения. Поэтому осуществлять власть (в ее персональном понимании) было, конечно, невозможно. То есть деспоту нужны были многочисленные представители, которые бы исполняли обязанности управления на местном уровне. Это лучше всего заметно при захвате территорий: “Везде, где проходит деспот и его армия, их свиту составляют врачи, священники, писари, функционеры” [Дельоз, Гваттари, 1996: с. 203].

Здесь возникло такое устройство общества, когда высшим его слоем были именно *чиновники*. Кстати, заметим, что на Западе, где издавна доминировали отношения собственности, и сами социальные классы образовались по имущественному признаку. — На Востоке же было по-другому, поскольку издавна доминировали отношения власти, а значит способ и механизм ее исполнения, то есть “государственный аппарат” сразу же возвышался над окружением. Все государственные служащие как бы объединялись в своеобразном привилегированном “классе”, к тому же резко противопоставленном остальному обществу. Попав в это сообщество, — пусть даже на самом низком его уровне, — человек уже как бы приобщается к власти и получает преимущество над всеми простыми, как говорится, людьми.

Таким образом и возникает “замена” той собственности, которая действительно недосыгаема при деспотическом порядке, — это *должность* в аппарате государства. Честно говоря, сначала может показаться, что собственность и должность слишком уж различны, ведь потребность приобретать и использовать имущество весьма естественна и персональна, тогда как должность обычно является чем-то явно обезличенным. Ведь это всего лишь *место* в иерархии осуществления власти. Но стоит вспомнить, что занимает такую должность живой конкретный человек со всеми его склонностями и особенностями.

Очевидно, должен возникнуть вопрос: можно ли говорить о чиновнике как о примете именно восточной деспотии? Разве мало чиновников в западной бюрократии? Разумеется, не меньше. Однако тут имеется отличие. На Западе уже издавна признавали, пожалуй, наивысшую “инстанцию”, без которой нельзя урегулировать те споры, которые возникали между свободными, а значит и равными в правах людьми. Это Закон... Таким образом, и государство на Западе было по сути *правовым*. Поэтому здешние чиновники не

могли стать самым высоким слоем, поскольку выполняли, фактически, исключительно регуляторные и технические функции.

На Востоке не появилось ни свободного человека, ни самого понятия “права”. Власть, которая здесь была абсолютной, рассматривала свое население сугубо в смысле сбора налогов и подавления непокорности. Поэтому ее многочисленные чиновники не просто выделялись из основной массы людей — они на самом деле были довольно закрытой и господствующей частью этого общества.

Но даже при восточной деспотии некоторое “право” все же существовало. Это право занимать свою должность. Понятно, что касалось оно опять-таки чиновников и считалось среди них главным. Что-либо получить от азиатской деспотии можно только с согласия самого деспота, для этого нужна неограниченная и безусловная лояльность. Если вспомнить об истоках, то примечателен ритуал, исполнявшийся в Орде при приближении к хану. — Подползти на коленях и поцеловать туфлю, — именно так и получали ханский “ярлык”, грамоту, которая давала определенные права и полномочия.

Эта унижительная процедура сразу же подталкивает к перверсии. Получив такой опыт, человек будет и дальше воспроизводить это *по-ложение*. Конечно, уже в перевернутом виде, по отношению *ко всем* подчиненным и зависимым... Ясное дело, в обществе, построенном на власти, конкретную должность воспринимали как очень выгодное место в этом мире, и не удивительно, что, получив такую должность, человек уже упорно за нее держался, поскольку не видел здесь других возможностей, чтобы выйти из состояния полного беспорядка.

Кстати, такая должность имела и сугубо внешние черты: еще встарь все чиновники выделялись и своей одеждой, и прической, и известными, скажем так, аксессуарами. Да зачем говорить о старине? Разве не каждому знакомы странные впечатления во время посещения “кабинета”? Его двери плотно закрыты, нужно тихо постучать и войти как бы пригнувшись. Ведь приходится мешать чрезвычайно важной персоне своими, смешно сказать, делами. Уже внутри мы сразу видим “стол” непривычно больших размеров, заваленный целыми кипами бумаг. Ясное дело, чтобы посетитель осознал, как на самом деле загроможден этот человек...

Нельзя не вспомнить и довольно примечательное “кресло” с высокой спинкой, нужное, по-видимому, для того, чтобы лицо чиновника виднелось как раз на фоне этой спинки. И возникает впечатление, что чиновник является неотъемлемой частью этого кресла и кабинета. Должностное лицо, как никто, понимает: за пределами кабинета, а точнее — собственно должности, он действительно *никто*. Поэтому первым делом старается воплотить свое присутствие в наглядных аксессуарах. К примеру, в табличке, которая вывешивается на двери.

При этом и сама должность приобретает весьма заметную наглядность и тоже кажется тесно сопряженной с отдельным ее “обладателем”. Ведь упомянутые здесь признаки своеобразного, так сказать, фетишизма лишь подтверждают идею о том, что должность становится заменой собственности. Ибо чиновник действительно считает такую должность именно своей; более того, считает такое устройство чем-то почти естественным. Это метко подмечено у Эмиля Чорана (Сьорана): “...еще до нашего рождения нам готовят

должность: пока мы живем в утробе матери, создаются наши карьеры” [Сьоран, 2011: с. 38].

Разумеется, если действительно считать должность своей, то “своими” будут и предоставляемые ею возможности, ведь сразу найдутся люди, готовые “поблагодарить” за содействие со стороны чиновника. Причем для него самого это будет выглядеть важной и неотъемлемой стороной его должности.

Не удивительно, что со временем у должностного лица накапливаются определенные средства, нередко достаточно большие. Соответственно, возможно, наипервейшей чертой для определения коррупции становится чрезмерное различие между официальными доходами и реальным достатком. При этом полученные средства держат в очень надежных валютах или, к примеру, в недвижимости, то есть речь идет о всеми признанных формах собственности. Именно здесь окончательно проявляются имущественные мотивы должности.

Нельзя, конечно, считать, что этого нет на Западе. Для примера вспомним рассуждения Макса Вебера о склонности людей к наживе и, в частности, его список той выборки, — в остроумном стиле Борхеса, — где встречается такое желание: “...среди кельнеров, врачей, извозчиков, художников, кокоток, коррумпированных чиновников, солдат, разбойников, крестоносцев, посетителей игровых домов, нищих...” Ведь “стремление приобретать” (можно снова вспомнить Фрейда и тот самый “выбор объекта”) свойственно разным людям “во все времена и у всех народов” [Вебер, 1994: с. 22].

Впрочем, Запад уже давно опирался на правовое понимание своей жизни. Кроме того, взяточничество воспринималось здесь как одно из вопиющих нарушений, разрушающих основы общества. Ведь дело чиновника — выполнять все установленные законом и государством процедуры. Поэтому если такое должностное лицо получает определенные средства за нарушение процедуры, беда не столько в его обогащении, сколько в прямом подрыве самого принципа правового, собственно, западного государства. — Это, по сути, государственное преступление, и нужно отметить, что чиновник, как никто, это понимает и отдает себе в этом отчет...

Не так в обществе, производном от азиатской деспотии, ведь государство здесь существовало для сохранения власти, и поэтому меньше всего заботилось о праве. Конечно, в тех условиях чиновнику, стремившемуся нагреть руки, не казалось, что это нечто из ряда вон выходящее и неприемлемое.

Более того, следует вспомнить: здесь речь идет об обществе, которое произошло от азиатской деспотии определенного вида, от Орды, то есть от государства кочевников. Их путь существования — это поиски пастбища и бесконечный выпас своих отар и табунов. А значит, и чиновник, первейшая фигура восточной деспотии, лишь следует таким действиям — получает определенную должность и в дальнейшем просто “пасется”... Все обычно и вполне естественно.

И заметим, что это устройство выстраивается согласно властной “вертикали”, то есть вполне иерархично. Для чиновника нет сомнения: он получает и занимает свою должность только с согласия начальства. Поэтому, разумеется, и возникает желание безотлагательно показать свою полезность, скажем, передавая “наверх” часть полученных на этой должности средств. — Это, конечно, сразу меняет ситуацию. Ибо действует уже не отдельный чиновник, а некий механизм, или “система”... Теперь чиновнику уж тем более не придет в

голову, что, собирая эти подношения, он очень уж нарушает общепринятые нормы. Он и в самом деле чувствует себя частью, причем достаточно важной, уже упомянутой “системы”. Да и система будет защищать этого человека, ведь, во-первых, не станет терять часть своих доходов. А во-вторых: стоит ли уловлять того, кто может вынести наружу такие секреты?

То есть действительно складывается очень закрытый общественный слой, который на фоне повальной бедности, обычной для деспотии, прежде всего заботится о своем благополучии. И это, опять же, общий интерес, а не настроение определенных лиц. Ведь известно, к примеру, каковы распространены здесь особые привилегии для чиновников, и начинается все с еды (вспомним все еще незабытую практику “пайков” и закрытых столовых); то есть мысль о питании, где и следует искать истоки собственности, безусловно, имеет определенные основания.

И, конечно, главный источник обогащения — это взяточничество, причем это не просто вознаграждение за определенные “услуги”. Ведь не следует забывать, что чиновник заботится о государственных средствах: собирает или направляет их на различные нужды... Не удивительно, если что-то и прилипнет к его рукам. Но гораздо интереснее все еще очень распространенный и сегодня случай, когда, направляя средства на закупку товаров и выполнение работ, чиновник выбирает (или существенно влияет на выбор) и поставщика либо исполнителя. Потому-то и выбирают именно тех, кто потом, получая эти деньги, возвращает определенную часть чиновнику, как бы в благодарность за “правильный” выбор.

Итак, налицо ситуация, где чиновник, который действительно распоряжается сугубо государственными деньгами, так или иначе, но превращает эти средства в свои собственные. И все это — благодаря должности. Хотя нужно отметить, что упомянутая комбинация не может возникнуть без участия поставщика, — то есть того, кто остается за пределами собственно чиновничьей касты. Ведь на самом деле эти двое, чиновник и поставщик, интимно, можно сказать, связаны. Сохранить свои секреты или, наоборот, “погореть” они могут только вместе...

Очевидно, что, несмотря на закрытость этого чиновничьего слоя, такого рода отношения связывают его с другими слоями. И это не удивительно, ведь коррупция как раз там и возникает, где человек из аппарата государства может “решить вопрос” совсем другого, постороннего для системы человека. Выходит, что в этом кругу пребывает все население. Более того, отношения, где должность используют ради ощутимой выгоды, распространяются и за пределы, собственно, чиновничества. — Речь о “неких социально значимых или просто выгодных местах, вплоть до должностей университетских профессоров” [Вебер, 1998: с. 81]. Да что там “профессора”, когда даже сантехник и медсестра не стесняются намекать на необходимость личного, так сказать, вознаграждения.

Это общество, где издавна отсутствовали правовые и имущественные механизмы для защищенности человека. Здесь действительно преобладало нечто общее и цельное, собственно, общество, поэтому получить определенную защиту в этом мире можно было, только получив свое “место”. Оно действительно стало заменой, пусть суррогатной, собственности и средств к существованию...

В подтверждение этого можно взять весьма распространенную и сегодня разновидность той ситуации, когда человека кормит место в иерархии. Вспомним о так называемых *званиях*. Не будем говорить о военных званиях, здесь иерархия необходима по сути. Совсем другое дело, если официальные “титулы” присваиваются в сферах образования, науки, культуры, искусства, да где угодно... Ведь появляется масса “доцентов” и “профессоров”, “заслуженных” и “народных”, или же “членов” того или иного союза, и одно уже такое звание, независимо от одаренности или творчества, обеспечивает определенные доходы и определенные возможности.

Не удивительно, если общество, где все жили за счет какого-либо “места”, крайне снисходительно относилось к взяточничеству и действительно не усматривало в нем серьезного проступка. Об этом хорошо говорит российский драматург Островский — в пьесе с красноречивым названием “Доходное место”: “Что за слово взятки? Сами же его придумали, чтобы обижать хороших людей. Не взятки, а благодарность!” Конечно, подобные настроения распространены до сих пор.

Особая сила должности состоит в ее официальности и легитимности. Ведь назначение происходит при наличии основания — приказа, свидетельства или, скажем, диплома (вспомним ханский “ярлык”). Следовательно, можно признать, что должность — это своеобразная замена собственности, ибо собственность является не столько определенной вещью, сколько *правом* ее получить. Совсем другое дело деньги, полученные в виде взяток. Ведь средства подобного происхождения, без сомнения, противоправны, а значит, не могут приобрести форму *собственности*. Более того, эти средства нужно тщательно скрывать. И тут, возможно, самая большая и чувствительная проблема для чиновников.

Ясное дело, им хотелось бы изменить такое положение и получить полноценное право на собственность — право и приобретать, и обладать, и, наконец, передавать кому-то по наследству, в первую очередь детям, чтобы действительно создать слой, который будет господствовать и в дальнейшем...

Не случайно тут иногда пытались что-то в самом деле изменить. И какой бы ни была цель, провозглашаемая для всего общества, речь шла именно о попытке как-то уладить эту проблему. В последний раз в советскую эпоху такого рода попытка “легализовать” потребность в собственности предпринималась в 80-х годах XX века, в период “перестройки”, хотя дальнейшие события продемонстрировали, что общество, построенное на основе сугубо восточной деспотии, не в состоянии изменить свою природу и обеспечить право на собственность (как и любое право вообще).

При этом, кстати, возникла новая возможность, которой в дальнейшем воспользовались некоторые люди, сумевшие собрать большие деньги, — возможность держать свои средства на Западе, открывать собственные счета или приобретать недвижимость. То есть круг замкнулся. Ведь в конечном счете выяснилось, что “собственность” является именно *западной* реальностью, причем не только по происхождению, но и по способу существования.

Поэтому осмыслить тему “собственности” можно только с оглядкой на Запад. Но, с другой стороны, мы видим, что общества, выросшие из азиатской деспотии, не имели настоящей собственности (ибо не имели свободно-го человека и реального права). Отсюда и возникла довольно извращенная

замена той собственности — должность, “доходное место”, почва едва ли не сплошного взяточничества. И важно подчеркнуть: в отличие от европейского понимания, где коррупция считается тяжким правонарушением, здесь дело было в устройстве самого общества.

Таким образом, если на Западе многие говорят о коррупции в Украине, это, по-видимому, нужно признать. Но не стоит слишком полагаться на советы касательно способа преодоления этой коррупции, поскольку западное понимание данного вопроса почти сугубо криминальное, и решение предлагается, так сказать, соответствующее: расследовать и наказывать. Безусловно, расследовать и наказывать важно. Хотя ограничиваться только этим недальновидно, — это, по сути, не меняет саму природу общества, порождающую коррупцию, но, конечно, осуществить должные изменения весьма непросто. (И неизвестно, возможно ли вообще.) Но начинать нужно, разумеется, с осознания проблемы.

Источники

Вебер, М. (1994). *Протестантська етика і дух капіталізму*. Київ: Основи.

Вебер, М. (1998). *Соціологія. Загальноісторичні аналізи. Політика*. Київ: Основи.

Дельоз, Ж., Гваттарі, Ф. (1996). *Капіталізм і шизофренія: Анти-Едіп*. Київ.: КАРМЕ – СІНТО.

Лок, Дж. (2001). *Два трактати про врядування*. Київ: Основи.

Маркіз де Сад. (2016). *Філософія в будуарі*. Київ: Комубук.

Сьоран (Чоран, Е.). (2011). *Допінг духу: есеї*. Київ: Грані-Т.

Фройд, З. (2015). *Вступ до психоаналізу*. Харків: Клуб Сімейного Дозвілля.

Матеріал получен 25.04.2018

References

Cioran, E. (2011). *A Short History of Decay*. [In Ukrainian]. Kyiv: Grani-T. [= Сьоран 2011]

Deleuze, G., Guattari F. (1996). *Anti-Oedipus*. [In Ukrainian]. Kyiv: KARME – SINTO. [= Дельоз 1996]

Freud, S. (2015). *Introduction to Psychoanalysis*. [In Ukrainian]. Kharkiv: Klub simeinogo dozvillia. [= Фройд 2015]

Locke, J. (2001). *Two Treatises of Government*. [In Ukrainian]. Kyiv: Osnovy. [= Лок 2001]

Marquis de Sade. (2016). *Philosophy in the Boudoir*. [In Ukrainian]. Kyiv: Komubuk. [= Сад 2016]

Weber, M. (1998). *Soziologie, universalgeschichtliche Analysen, Politik*. [In Ukrainian]. Kyiv: Osnovy. [= Вебер 1998]

Weber, M. (1994). *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*. [In Ukrainian]. Kyiv: Osnovy. [= Вебер 1994]

Received 25.04.2018